

А.А. Иванов, А.А. Савилов

УЧАСТИЕ ИРКУТСКИХ ЖАНДАРМОВ В НАДЗОРЕ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИМИ ССЫЛЬНЫМИ (1860–1900 гг.)

Выявляются особенности участия чинов Корпуса жандармов в надзоре за политическими ссыльными в Иркутской губернии. Авторы исследуют законодательную базу работы жандармского ведомства в надзоре за государственными преступниками и приходят к заключению о ее своевременной трансформации в зависимости от требований времени. Показано участие жандармов в этапировании политических ссыльных, контроле за их размещением, перепиской, профессиональной и оппозиционной деятельностью.

Ключевые слова: жандармы; полицейский надзор; ссылка; российское законодательство; Иркутск.

На протяжении второй половины XIX в. политическая ссылка в Сибирь являлась одним из важнейших институтов охранительной и карательной политики самодержавия. Посредством политической ссылки государство стремилось, помимо достижения карательных целей, максимально изолировать представителей леворадикального движения. Одним из основных инструментов, служивших достижению этой цели, являлась система полицейского надзора за политическими ссыльными в местах отбывания наказания. В системе этого надзора, наряду с центральными органами власти, губернской администрацией и общей полицией, важнейшее место было отведено территориальным органам политической полиции – губернским жандармским управлениям.

Без преувеличения можно сказать, что на протяжении всего периода существования в Иркутской губернии жандармского ведомства надзор за ссыльными революционерами оставался одним из главных направлений его деятельности. Создание в Прибайкалье в начале 1830-х гг. жандармской службы неразрывно связано с политической ссылкой. Пребывание на тот момент в регионе высланных участников восстания 14 декабря 1825 г. обуславливало необходимость неотступного государственного контроля за исполнением наказания и поведением дворянских революционеров в Сибири.

Жандармы стремились контролировать все стороны жизни каторжных декабристов. Даже получение или отправление обычной посылки вызывало обширную ведомственную переписку. Надзор за государственными преступниками, водворенными на территории региона, помимо Нерчинской каторги, осуществляли чиновники МВД, обязанные также регулярно отчитываться перед жандармами. Каждый становой пристав должен был докладывать о поведении политических ссыльных ежемесячно [1].

К началу второй половины XIX в. количество политических ссыльных в Сибири значительно уменьшилось. Это произошло вследствие амнистии 1856 г., после которой многие осужденные в ссылку «политики» вернулись на родину в Европейскую Россию. Однако уже с началом 1860-х в стране нарастает социальная напряженность, увеличивается количество крестьянских выступлений, формируются нелегальные леворадикальные кружки и организации. Обостряется борьба государства с антиправительственным

движением, результатом чего становится возрастание числа политических ссыльных в Сибири. Последнее обстоятельство обусловило необходимость восстановления эффективной системы полицейского надзора в местах отбывания наказания. Сообразно с этим в указанный период в российском законодательстве возрастает внимание к вопросу регулирования политической ссылки и отдельных элементов полицейского надзора, в том числе участия в нем чинов корпуса жандармов.

Надзор чинов жандармского ведомства к политическим ссыльным применялся уже во время следования к местам отбывания наказания. Практика его применения берет начало еще в первой половине XIX в., когда участники восстания на Сенатской площади отправлялись к местам ссылки под конвоем жандармских офицеров. В дальнейшем порядок употребления чинов Корпуса жандармов для препровождения ссыльных получил развитие в Уставе о ссыльных в редакции 1857 г., а именно в ст. 512–513. Данные нормы определяли, что тем лицам, ссылаемым на житье в Сибирь, которые не присуждались к тюремному заключению и имели собственные средства для отправления к месту ссылки, «может быть дозволено ехать в своем экипаже, но не иначе, как всякий раз по особому разрешению Министра Внутренних Дел». В качестве критериев для принятия такого решения закон называл «болезнь», «старость» и «прежнее значение» ссылаемых. В случае получения разрешения министра внутренних дел указанные выше лица отправлялись к местам ссылки «под надзором одного или двух жандармов» (ст. 513). Также указанная норма предписывала назначать чинам жандармерии содержание «в оба пути» и «прогонных для обратного следования денег на счет пересылаемых и с предоставлением сим жандармам... назначать время и место для отдохновения» [2. С. 74].

С началом 1860-х гг. в России во многих сферах общественной жизни происходят существенные изменения. Это было связано с проведением реформ Александра II, центральное место среди которых занимали крестьянская, земская, судебная. Параллельно в стране начинает нарастать социально-политический кризис, обостряется борьба государства с политическими противниками. Появление леворадикальных организаций и кружков, пропаганда революционных идей в обществе, покушение студента Д.А. Каракозо-

ва на императора в 1866 г. – все это требовало от правительства адекватной реакции. Ее проявлением стало переустройство существующей системы территориальных органов политической полиции, начавшееся с принятием Положения о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. (далее Положение 1867 г.) [3]. Именно с изданием данного закона в России были созданы губернские жандармские управления. Для нас особый интерес представляют те нормы Положения 1867 г., которые прямо или косвенно касались регламентации обязанностей чинов жандармского ведомства в части надзора за политическими ссыльными.

Параграф 26-й Положения 1867 г. четко устанавливал, что ГЖУ, наблюдательный состав Корпуса и уездные жандармские управления, «несут обязанности только наблюдательные, содействуя восстановлению нарушенного порядка только в том случае, когда будут приглашены к тому местными властями». В § 28 уточнялось, что обязанности чинов Корпуса в строевом, хозяйственном и дисциплинарном отношениях определяются существующими постановлениями. В наблюдательном же отношении, «составляющем служебное назначение жандармов, обязанности их определяются особыми инструкциями» [Там же]. На наш взгляд, не вызывает сомнения, что негласный надзор за политическими ссыльными относился к обязанностям наблюдательным, это вытекает из самого понятия надзора. Тем самым, можно с уверенностью утверждать, что негласный надзор не мог и не должен был регулироваться официальным законодательством, иначе его секретность теряла всякий смысл. Ввиду указанного его формы и методы определялись вышеназванными «особыми инструкциями», исходящими от центрального аппарата политической полиции империи – III Отделения.

Для нас представляют интерес нормы Положения 1867 г., касающиеся порядка употребления чинов Корпуса жандармов. В частности, п. «д» § 34 названного закона указывал, что столичные дивизионы и конные городские команды могут привлекаться для препровождения важных преступников и арестантов. Нам видится, что государственные преступники, осужденные в сибирскую ссылку, в эту категорию входили. В § 38 уточнялось, что чины поименованных в § 34 частей для указанных целей могут быть определяемы в командировки, причем как местным (губернским), так и жандармским начальством. Порядок участия в препровождении важных преступников и арестантов нижних чинов ГЖУ был закреплен в § 39 Положения 1867 г.: «Для тех же надобностей, но только в особенно важных случаях, командуются и унтер-офицеры Наблюдательного Состава и Уездных Жандармских Управлений, но не обязательно, а если ближайшее жандармское начальство найдет это возможным, и не иначе, как до первого по пути губернского города, где командированные жандармы заменяются другими» [Там же].

Обращает на себя внимание тот факт, что перечень вышеуказанных «особенно важных случаев» законом никак не конкретизировался, а всецело отдавался на усмотрение местной администрации, от которой и исходило требование о необходимости командировки.

Как правило, это происходило в тех случаях, когда пересыльный своим поведением обращал на себя внимание губернской администрации. Например, 8 января 1882 г. Главное управление Восточной Сибири уведомляло Иркутского губернатора, что содержащегося в Красноярском тюремном замке ссыльного Александр Долгушина необходимо отправить с женой и сыном в Иркутск на почтовых лошадях под конвоем жандармов ввиду «выдающейся неблагонадежности и опасности» названного преступника [4. Л. 1].

Нельзя не отметить также, что всякий раз командирование для вышеуказанных целей жандармских унтер-офицеров было осуществимо только в случае, «если ближайшее жандармское начальство найдет это возможным». Однако практика показывает, что в конце 1870 – начале 1880-х гг. участие чинов Иркутского ГЖУ в препровождении политических ссыльных было далеко не редкостью, а скорее правилом. Приведем некоторые примеры. В ночь на 25 сентября 1878 г. в г. Верхоленск в сопровождении двух жандармов прибыл государственный преступник Моисей Рабинович. В декабре 1879 г. из Иркутска в сопровождении жандарма и казака были отправлены ссыльные Натансон и Обручников – в Верхоленск и Киренск соответственно [5. Л. 30]. Прибывший в Иркутск 2 августа 1881 г. Сергей Жебунев был отправлен в г. Балаганск в сопровождении жандармского унтер-офицера и ефрейтора [6. Л. 10].

Помимо порядка командирования нижних чинов ГЖУ для препровождения важных преступников, Положение регулировалось и вопросы материального обеспечения. Они были определены в § 40: «...прогонные и кормовые деньги в оба пути... жандармские чины получают от тех мест и лиц, которые их командуют». Примечание к § 40 устанавливало размер кормовых денег: командируемым по железным дорогам – по 1/10 коп., а по прочим трактам – по 1 коп. за версту каждому жандарму [3].

Таким образом, Положение 1867 г. на законодательном уровне закрепило практику командирования нижних чинов губернских жандармских управлений для этапирования политических ссыльных. Данным нормативным актом были определены, хотя и весьма расплывчато, перечень случаев, когда такая командировка признавалась необходимой, порядок принятия решения о возможности такой командировки, а также организационные вопросы, касающиеся материального обеспечения командируемых унтер-офицеров в пути следования. Порядок, установленный Положением 1867 г. в части препровождения ссыльных, оставался неизменным на протяжении последующих десятилетий и, несмотря на некоторые недостатки, продолжал успешно применяться в дальнейшем.

С 1880-х гг. положение с правовым обеспечением участия жандармов в надзоре за политическими ссыльными существенно меняется. В августе 1880 г. ликвидируется III Отделение, а его дела поступают в специально созданный орган – Департамент государственной полиции МВД. Руководство политической полицией было передано министру внутренних дел, на которого было возложено заведование Корпу-

сом жандармов. После событий 1 марта 1881 г. в охранительной и карательной политике России происходят значительные изменения. С принятием Положения 14 августа 1881 г. в борьбе с политической преступностью значительно возрастает роль административной ссылки. Данным нормативным актом было закреплено право генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников в определенных местностях «воспрещать отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной» или чрезвычайной охраны (п. 16) [7]. Решение об административной ссылке принималось Особым совещанием при министре внутренних дел, а ее срок был определен в п. 36 Положения 1881 г.: «от одного до пяти лет» [Там же]. В дальнейшем административная ссылка по политическим мотивам являлась важнейшей составляющей карательной политики самодержавия.

Над всеми лицами, высланными в Сибирь в административном порядке по политическим мотивам, учреждался гласный полицейский надзор. Это правило было установлено Положением о полицейском надзоре от 12 марта 1882 г. Отдельные статьи указанного нормативного акта непосредственно касались участия чинов Корпуса жандармов в надзоре за ссыльными. Проанализируем ст. 29 Положения 12 марта 1882 г., которая устанавливала правила получения и отправления почтовой и телеграфной корреспонденции для поднадзорных. Данная норма указывала следующее: «Министру внутренних дел дозволяется в каждом отдельном случае воспрещать поднадзорному непосредственное получение сим последним его частной почтовой или телеграфной корреспонденции» [8]. Поскольку в Положении 12 марта 1882 г. не содержится иных норм, касающихся корреспонденции административно-высланных, можно заключить, что другие категории ссыльных, например, сосланные по суду или вышедшие на поселение после отбытия каторжных работ, а также члены их семей, не были ограничены в приеме и отприятии писем или телеграфной корреспонденции. Даже запрет министра внутренних дел для определенного круга поднадзорных никак не ограничивал их в возможности отправлять и получать письма. Он предполагал лишь невозможность собственноручной сдачи и приема писем на почте, предписывал обязательность их предварительного досмотра.

Порядок такого досмотра законом был подробно определен. Так, в случае вышеуказанного «запрета» составлялись особые списки лицам, на просмотр корреспонденции которых было дано разрешение. В дальнейшем указанные списки направлялись в отделения почты и телеграфа. Служащими последних все получаемые письма и депеши, следующие на имя указанных в списках поднадзорных, задерживались, а затем предоставлялись на просмотр: в губернских городах – начальникам жандармских управлений, а в уездных – местным исправникам. Последние, в случае обнаружения «предосудительного содержания» в письмах, задерживали их, а остальные передавали по принадлежности. Задержанная корреспонденция немедленно отсылалась исправником начальнику жандармского управления. Что касается отправляемой

корреспонденции, то она предоставлялась поднадзорными тем же лицам для просмотра [8].

Таким образом, в соответствии с законодательством о гласном полицейском надзоре просматривались письма только тех из поднадзорных, в отношении которых было принято решение министра внутренних дел. Как правило, Департамент полиции направлял в губернии особые списки указанных поднадзорных. В таком списке, например, направленном иркутскому губернатору 5 ноября 1882 г., значилось 26 фамилий [9. Л. 159]. Из этого числа в Иркутском ГЖУ подлежали досмотру все отправляемые и получаемые письма и депеши административно-ссыльных, проживающих в губернском городе. Кроме того, со всех округов губернии в Иркутское ГЖУ окружными исправниками доставлялась корреспонденция, содержание которой признавалось «предосудительным». Заметим, что поскольку понятие «предосудительное содержание» в законе никак не конкретизировалось, под такую трактовку могло попадать весьма значительное количество корреспонденции.

Следует отметить, что Положением 12 марта 1882 г. никак не регулировалось получение поднадзорными денежных средств, периодических изданий, посылок. Закон также не учитывал возрастающих масштабов административной ссылки, ввиду чего в отдельных населенных пунктах Иркутской губернии сосредотачивалось значительное число высланных судебным порядком за государственные преступления и административно-ссыльных. Принимая во внимание, что последние практически не ограничивались в части отправки и получения писем, проживание в непосредственной близости от сосланных по суду давало им реальную возможность принимать и получать на свое имя письма других «политиков», что, конечно, существенно осложняло надзор и негативно сказывалось на его эффективности.

С середины 1880-х гг. объем досматриваемой в ИГЖУ корреспонденции ссыльных увеличивается. Это было связано с изданием циркуляра министра юстиции от 19 декабря 1884 г., в котором указывалось: «Письма, как адресованные политическим арестантам, так и сими последними составляемые», надлежало передавать в жандармские управления «на предмет химического исследования». Исследование состояло в проверке «воспроизведенного химическим способом текста» [10. С. 173]. Письма, в которых такового не обнаруживалось, надлежало немедленно отправить по назначению. А уже 23 сентября 1885 г. в обращении к иркутскому губернатору начальник Иркутского ГЖУ просит, «чтобы вся корреспонденция всех государственных преступников, поселенных во вверенной вам губернии, присылалась бы ко мне для химического исследования оной» [11. Л. 214]. Таким образом, менее чем через год с начала применения досмотра корреспонденции политических арестантов в жандармских управлениях такая практика распространилась на всех вообще политических ссыльных, находящихся в губернии.

Попытки законодательства 1880-х гг. подчинить корреспонденцию отдельных категорий политических ссыльных строгому досмотру на практике не давали

нужных результатов. Это подтверждает следующий пример. 1 марта 1888 г. начальник Иркутского ГЖУ сообщает иркутскому губернатору: «Из поступающих в управление на просмотр писем политических преступников усматривается, что содержащиеся в Иркутском тюремном замке административно-ссылочные ведут бесконтрольно переписку и посылают даже телеграммы в разные места таковым же ссылкой и ссылкой-каторжным государственным преступникам». Далее указывалось, что из поступающих на имя других административно-ссылочных писем видно, «что некоторые из них последовали в ответ на письма от содержащихся в тюремном замке таковых же ссылкой, но были отправлены без просмотра» [11. Л. 269]. Данный пример также позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые недостатки, система контроля за корреспонденцией ссылкой давала важнейшие сведения, позволяла вскрыть пробелы в законодательстве, устранение которых в значительной мере способствовало бы повышению эффективности системы надзора.

Другим важнейшим направлением деятельности жандармских управлений в 1880–1890-е гг. был надзор негласный.

Окончание сроков административной или судебной ссылки и освобождение от гласного полицейского надзора не являлись основанием для окончательного убеждения в политической благонадежности человека. Для снятия с таких лиц всяких подозрений в принадлежности к революционной деятельности использовался надзор негласный, в осуществлении которого самое непосредственное участие принимали чины Корпуса жандармов. Данный вид надзора регулировался Положением о негласном надзоре от 1 марта 1882 г. (далее Положение 1 марта 1882 г.), которое более подробно рассмотрим ниже [12].

В первую очередь остановимся на понятии негласного надзора, которое было закреплено в п. 1 Положения 1 марта 1882 г. Прочитав этот пункт: «Негласный полицейский надзор, именуемый также секретным, есть одна из мер предупреждения Государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной благонадежности» [Там же. С. 132]. Как видим, целью негласного надзора являлось предупреждение преступлений против государства. Средством его достижения являлось наблюдение, а субъектом – лица «сомнительной благонадежности». Суть понятия «негласный» раскрывалась в п. 2 Положения и заключалась в отсутствии возможности у субъекта надзора знать об учрежденном за ним наблюдении. Последнее достигалось путем избрания соответствующих способов наблюдения, а также запретом ограничивать субъекта в образе жизни, выборе занятий, свободе передвижения и пр.

Порядок учреждения секретного надзора был установлен в п. 3. Прямо указывалось, что такой надзор устанавливается «исключительно Департаментом полиции». Решение об установлении надзора принималось как по непосредственному усмотрению Департамента, так и вследствие представления местных начальств. Однако в Положении оговаривалось, что существуют определенные категории населения,

за которыми негласный надзор мог быть учрежден без предварительного разрешения Департамента полиции. Как раз к одной из таких категорий относились «лица, возвращенные из административной ссылки и освобожденные от гласного надзора полиции» [12. С. 133]. Важнейшим обстоятельством являлся и тот факт, что освобождение от гласного надзора полиции и возвращение из административной ссылки к месту прежнего жительства по срокам не совпадали. Это означало, что лица, срок гласного надзора у которых истек, в дальнейшем не подлежали наблюдению до момента их возвращения на родину.

В Иркутской губернии к концу 1880-х гг. количество таких лиц было весьма значительным. Основным пунктом их сосредоточения был губернский город Иркутск. Многие освобожденные от гласного надзора полиции, никак не ограниченные в праве передвижения, приезжали в Иркутск из разных районов губернии и соседних регионов и оставались в городе на неопределенный срок. Такое положение вещей на практике нередко становилось серьезным препятствием эффективного действия системы наблюдения, что являлось предметом внимания исполнительных органов надзора. Вот что указывал начальник Иркутского ГЖУ в своем рапорте Иркутскому генерал-губернатору от 30 октября 1887 г.: «В последнее время начало увеличиваться в г. Иркутске число лиц, состоящих под надзором полиции за государственные преступления, надзор за которыми при местных условиях весьма затруднителен; если же принять во внимание, что здесь проживает весьма много бывших преступников этого рода, нисколько не отрешившихся от прежних своих убеждений, но ускользающих все от надзора в силу освобождения от оною или таких, которые прибыли по окончании срока надзора из других мест и потому неизвестны полиции – то скопление в городе лиц с вредным политическим направлением оказывается весьма значительным» [13. Л. 1 об.]. На наш взгляд, данный пример наглядно иллюстрирует недостаток правовой базы полицейского надзора, никак не регламентировавшей положение ссылкой с момента окончания гласного надзора до момента прибытия на прежнее место жительства. Вследствие указанных обстоятельств исполнительные органы надзора становились бессильны в ситуациях, аналогичных той, что описана нами выше.

Несмотря на отмеченные недостатки, негласное наблюдение за политическими ссылкой в Иркутской губернии являлось одним из важнейших источников сведений об их деятельности, а отсюда – благонадежности. Примечание к п. 1 Положения 1 марта 1882 г. устанавливало, что в определенных случаях негласное наблюдение могло применяться в качестве самостоятельной меры, а не только как средство достижения целей секретного надзора. В таком случае негласное наблюдение имело характер меры «исключительно розыскной» и могло осуществляться по распоряжению местных властей. Местными властями негласное наблюдение устанавливалось временно «для проверки полученных сведений о вредной деятельности данного лица, его связей, а также для обнаружения разыскиваемых лиц, которые, по имеющим-

ся указаниям, могли войти с ним в сношение». Осуществление негласного наблюдения возлагалось на чинов Корпуса жандармов [12. С. 132].

В Иркутской губернии субъектами такого наблюдения в первую очередь становились политические ссыльные, окончившие сроки гласного полицейского надзора, восстановленные в правах и оставшиеся в регионе на постоянное жительство. Обычной практикой было обращение губернской администрации к начальнику ИГЖУ с запросом проверки благонадежности политических ссыльных, в том числе окончивших срок ссылки. Как правило, это происходило, когда бывший политический ссыльный изъявлял желание заниматься какой-либо публичной деятельностью или поступал на государственную службу и пр. В подобных ситуациях при сборе сведений губернское правление не ограничивалось лишь официальными сведениями о месте жительства, звании, вероисповедании, данных о составе семьи, получаемых от чинов общей полиции. Сведения же, собираемые жандармами негласным путем, являлись гораздо более информативными и зачастую были определяющими для окончательного разрешения дела. Это хорошо иллюстрирует следующий пример.

В апреле 1889 г. в губернском правлении решался вопрос о разрешении бывшему ссыльному, а ныне дворянину Н.И. Витковскому взять в аренду у отставного коллежского советника М.В. Загоскина типографию. Для разрешения дела из губернской администрации необходимо было получить данные о политической благонадежности Витковского, для чего были отправлены надлежащие запросы в полицейское управление г. Иркутска и начальнику ИГЖУ. Данные, предоставленные иркутским полицмейстером, сводились к тому, что Витковский «в политической неблагонадежности замечаем не был» [14. Л. 1]. Иного мнения на этот счет было Иркутское ГЖУ. Из секретной справки начальника ИГЖУ полковника фон Плотто от 7 июня 1889 г. следует, что, «по собранным негласным путем сведениям», «политическая благонадежность Витковского, по знакомству его и сношениям с политическими ссыльными, может давать некоторый повод к сомнениям» [Там же. Л. 4]. По всей видимости, предоставленные жандармским управлением сведения и стали определяющими в разрешении вопроса о возможности аренды типографии, поскольку 12 июня 1889 г. в уведомлении Иркутскому полицмейстеру сообщалось, что ходатайство Витковского следует «оставить без удовлетворения» [Там же. Л. 5].

Как видим, восстановление в правах бывшего политического ссыльного и снятие с него всякого рода ограничений в правах не всегда являлось критерием исправления. Поскольку получение в аренду типографии ранее совершившим серьезное политическое преступление лицом теоретически могло способствовать распространению революционных идей в сибирском обществе, то, на наш взгляд, решение губернских властей о проверке благонадежности такого лица выглядит вполне обоснованным. Нельзя не отметить и того факта, что только с получением сведений, доставленных жандармским ведомством и полученных негласным путем, вопрос получил окончательное разрешение.

Постоянное увеличение масштабов ссылки административной и продолжавшееся применение политической ссылки по судебным приговорам обуславливали необходимость четкой регламентации порядка содержания и надзора ссыльных разных категорий на всем пути следования из Европейской России до мест назначения. Особое внимание в законодательстве было уделено порядку содержания политических арестантов, в том числе и пересыльных, в губернских и уездных тюрьмах. Важную роль в урегулировании этого вопроса сыграло издание Правил о порядке содержания в тюрьмах политических заключенных, утвержденных в феврале 1886 г.

Отдельные нормы названных Правил прямо касались применения надзора жандармов к пересыльным политическим арестантам, поэтому ниже остановимся на них подробнее. Важнейшее значение для темы нашего исследования имеет п. 5 Раздела 1 указанных Правил. В соответствии с этим пунктом чины жандармского корпуса имели право входа в помещения, занимаемые политическими преступниками, «во всякое время дня и ночи» [15. Л. 2]. Чины корпуса жандармов имели также право осматривать все бумаги, прошения или письма на имя должностных лиц, родственников или знакомых. Предварительному рассмотрению подлежала и все следовавшая на имя заключенных корреспонденция (п. 21). В пункте 7 Правил 1886 г. губернаторам дозволялось передавать права о разрешении свиданий или ходатайств заключенных начальникам жандармских управлений [Там же. Л. 2–5].

Правила 1886 г. в значительной степени способствовали разграничению надзора за пересылаемыми в Сибирь государственными преступниками между тюремной администрацией, губернскими властями, чинами полиции и жандармским ведомством. Так, упомянутый нами п. 5 Правил 1886 г. запрещал жандармам делать какие-либо распоряжения в части административного заведования политическими арестантами и внутреннего порядка их содержания. При этом закон предоставлял чинам жандармерии право «обо всех усмотренных ими в этом отношении неправильностях, беспорядках, а также и желательных улучшениях» доводить до сведения губернатора в письменном порядке [15].

В системе надзора за политическими ссыльными их учет являлся важнейшим элементом на протяжении всего исследуемого периода. Ведение надлежащей статистики требовало тесного взаимодействия всего губернского аппарата: своевременный сбор данных во всех полицейских округах, последующая их систематизация, обработка и обобщение. Особое внимание уделялось г. Иркутску, численность ссыльных в котором была под постоянным контролем жандармов. Так, например, в обращении к Иркутскому полицмейстеру от 12 июля 1889 г. начальник Иркутского ГЖУ полковник фон Плотто указывал: «В виду необходимости сосредоточения в делах вверенного мне управления всех сведений, касающихся государственных преступников, имею честь просить в имеющей быть доставленной от вас за настоящий июль месяц числовой ведомости о государственных пре-

ступниках и административно-ссылных, состоящих под надзором полиции в г. Иркутске» указывать «вероисповедание этих лиц», возраст, род занятий, «получает ли от казны пособие и в каком размере» и «если имеют семейства, то из кого оно состоит и где находится» [16. Л. 16].

Конец XIX – начало XX в. характеризуется в России значительным подъемом рабочего движения. По всей стране проходит волна забастовок, стачек, демонстраций. В этот период организационно оформляются партии социал-демократов и эсеров. Борьба с политической преступностью, соответственно, принимает особо острый характер. Повышение революционной активности во всей стране в целом и в Сибири в частности, вовлечение в революционные круги все большего количества людей требовали соответственно усиления штата полицейского аппарата. В определенной мере это было достигнуто созданием охранных отделений, а также развернутой сети жандармских полицейских управлений железных дорог. Тем не менее нехватка кадрового состава в 1900-е гг. в деле надзора за ссылными становится одной из основных проблем.

Однако это обстоятельство усугублялось тем, что по-прежнему унтер-офицеры наблюдательного состава использовались для препровождения ссылных в северные районы губернии, а также в Забайкалье и Якутскую область. Употребление жандармов для препровождения ссылных, в значительной мере закрепленное еще в Положении 1867 г., не подверглось к началу XX в. каким-либо изменениям. И хотя в соответствии с указанным нормативным актом такой порядок использования чинов Корпуса жандармов мог иметь место лишь в строго ограниченных случаях, на практике все было иначе. Более того, в 1903 г. Иркутский военный генерал-губернатор в своем обращении к В.К. Плеве подчеркивал эффективность этапирования поднадзорных из Александровской тюрьмы в северные уезды Иркутской губернии и Якутской области именно жандармскими унтер-офицерами и в дальнейшем предлагал не отступать от сложившейся системы. Глава региона объяснял это тем, что «этот путь совершается частью на лошадях, частью на пароходах и требует особо тщательного наблюдения» [17. Л. 25 об.]. В другой части своего обращения к министру генерал-губернатор указывал на необходимость увеличения состава нижних чинов ИГЖУ. Глава региона отмечал, что действующий наблюдательный состав управления даже без командировок «не имеет возможности... осуществить надзор за политическими ссылными, число которых... все возрастает» [Там же].

Подведем некоторые итоги. С 1860-х гг. надзор за политическими ссылными являлся одним из главных направлений деятельности жандармов в Сибири, в

том числе и в Иркутской губернии. Унтер-офицеры наблюдательного состава Иркутского ГЖУ обеспечивали надлежащий порядок этапирования политических ссылных к местам причисления, весьма успешно применявшийся на всем протяжении исследуемого периода. Наряду с общей полицией, губернской администрацией, тюремным начальством и почтовым ведомством Иркутское ГЖУ являлось важнейшим звеном в системе контроля за корреспонденцией политических ссылных. Кроме того, на жандармов возлагалась организация и осуществление негласного наблюдения, объектом которого в Иркутской губернии зачастую становились политические ссылные, в том числе уже отбывшие сроки ссылки. Несмотря на значительное внимание, которое уделялось государством законодательному регулированию осуществления надзора за политическими ссылными, в правовой базе такого надзора имелось немало упущений, которые так и не были устранены к началу 1900-х гг. Это обстоятельство, в совокупности с постоянно возрастающими масштабами ссылки и существенным недостатком штатов жандармского управления, в значительной мере негативно сказалось на достижении целей принудительной изоляции государственных преступников.

Нельзя не отметить также того факта, что территориальным органам жандармерии отводилась важная роль в системе контроля и надзора за пересыльными политическими арестантами. Так, в соответствии с Правилами 1886 г. ближайшим и основным звеном надзора за государственными преступниками, осужденными в ссылку, во время следования их в Сибирь и остановок в пересыльных тюрьмах являлись тюремная администрация и подведомственная ей тюремная стража. Контроль за ее деятельностью возлагался на губернатора, который осуществлял его через подведомственный ему аппарат общей полиции. Чины Корпуса жандармов в этой системе стоят несколько особняком: несмотря на наличие у них довольно широких прав, их власть ограничивалась лишь возможностью письменных обращений к губернатору с докладом о замеченных упущениях. Тем самым жандармерия являлась обособленным контрольным органом, который, в отличие от остальных звеньев системы надзора за политическими арестантами, наиболее тесно взаимодействовал по всем вопросам наблюдательной деятельности с центральным органом политической полиции России – Департаментом полиции. На наш взгляд, такое положение чинов жандармского ведомства могло, с одной стороны, способствовать скорейшему устранению упущений в режиме содержания политических арестантов, а с другой стороны, могло послужить поводом к соперничеству и разногласию с иными ведомствами системы надзора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М., Кодан С.В. Система контроля за перепиской ссылных дворянских революционеров в Сибири (1826–1856 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. Вып. 9. С. 171–187.
2. Свод законов Российской империи. 1857. Т. XIV. Тетр. 5.
3. Полное собрание законов Российской империи. (далее – ПСЗ). Собр. 2. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2. № 44956.
4. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 32. Оп. Оц. Д. 131.
5. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 20.

6. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 99.
7. ПСЗ. Собр. 3. Т. I, № 350.
8. ПСЗ. Собр. 3. Т. II, № 730.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 275.
10. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного Корпуса Жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. СПб., 1908.
11. ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 16.
12. Положение о негласном полицейском надзоре, утвержденное 1 марта 1882 г. // История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. М. : Цит-М, 1998. С. 132–140.
13. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 5.
14. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 243.
15. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 442.
16. ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 647.
17. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2018 г.

Participation of Irkutsk Gendarmes in the Supervision over Political Exiles (1860–1900)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 114–121.

DOI: 10.17223/15617793/442/14

Aleksandr A. Ivanov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ottisk@irmail.ru

Aleksandr A. Savilov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ottisk@irmail.ru

Keywords: gendarmes; police supervision; exile; Russian legislation; Irkutsk.

This article is devoted to the study of the participation of ranks of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Department in the supervision over political exiles. The chronological scope of the article is significant and covers the 1860s to the beginning of the 1900s, which makes it possible to fully trace the forms and types of Irkutsk gendarmes' activities on monitoring administrative exiles, settlers by a court decision and convicts who served their sentence in the province. This topic has not received a special study in Russian historiography, which confirms its relevance and timeliness. The article is mainly based on sources of legislative nature and on the previously unpublished materials of the State Archive of Irkutsk Oblast. During the work on the material, the authors used both general scientific and historical methods, for example, problem chronological, historical comparative and narrative ones. By studying a considerable amount of documentary material, the authors came to the following conclusions. The emergence of political police in Irkutsk Province was directly related to the presence of exiled members of the Uprising of 14 December 1825 in the Senate Square. During the supervision over the Decembrists, the principles of supervisory activities were developed: monitoring of the daily life of exiled revolutionaries, prohibition of unauthorized absences, control over correspondence. Gendarmerie services developed this experience in the 1860s when exiled populists began to dwell in Siberia, including in Irkutsk Province. The supervision over the life of exiled revolutionaries was regulated by a number of legislative acts, the most important of which were: the 1881 Regulations on Measures to Protect Public Order and Public Peace, the 1882 Regulations on Police Supervision Established by the Order of the Administrative Authorities, the 1882 Regulations on Secret Police Supervision, the 1886 Rules on the Procedure for the Detention of Political Prisoners. In addition, some elements of police supervision over political exiles were supplemented and specified by administrative orders of both central (Ministry of Internal Affairs, Police Department) and regional (Governor-General of Eastern Siberia, Irkutsk Province Administration) authorities. During the period under study, the forms of gendarmes' participation in the supervision over political exiles in Siberia were consistently improved and expanded. One of the forms was the transfer of exiled revolutionaries under the supervision of non-commissioned gendarme officers to the places of exile; the form was fixed in the 1867 Statute on the Corps of Gendarmes. This procedure for exiles was very successfully used in the 1900s. Despite the development of forms and methods of supervision over political exiles in the 1860s–1900s, some elements of supervision became ineffective by the end of the period under study. The main reasons for this state of affairs were the poorly considered increase in the number of exiled revolutionaries in Siberia, the lack of timely growth of the personnel of the executive bodies of supervision, including the Irkutsk Provincial Gendarmerie Department. The ineffectiveness of the supervision system was also exacerbated by the omissions in the legal framework governing the mechanism of serving political exile in Siberia.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. & Kodan, S.V. (1985) Sistema kontrolya za perezpiskoy ssyl'nykh dvoryanskikh revolyutsionerov v Sibiri (1826–1856 gg.) [The system of control over the correspondence of the exiled noble revolutionaries in Siberia (1826–1856)]. In: Shcherbakov, N.N. et al. (eds) *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionaries in Siberia (19th century – February 1917)]. Is. 9. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 171–187.
2. Russian Empire. (1857) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Collection of Laws of the Russian Empire]. XIV (5).
3. Russian Empire. (1871) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 42. Pt. 2. No. 44956. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
4. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 131. (In Russian).
5. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 20. (In Russian).
6. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 99. (In Russian).
7. Russian Empire. (1885) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. I. No. 350. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
8. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. II. No. 730. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
9. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List 1. File 275. (In Russian).
10. Special Gendarmes Corps. (1908) *Sistematicheskii sbornik tsirkulyarov Departamenta politsii i Shtaba Otdel'nogo Korpusa Zhandarmov, odnosyashchikhsya k obyazannostyam chinov korpusa po proizvodstvu doznaniy* [Systematic collection of circulars of the Police Department and the Headquarters of the Special Gendarmes Corps relating to the duties of the officials of the Investigation Corps]. St. Petersburg: tip. Shtaba Otd. korp. zhand.
11. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List OTs. File 16. (In Russian).

12. Kuritsyn, V.M. (ed.) (1998) *Istoriya politsii Rossii. Kratkiy istoricheskiy ocherk i osnovnye dokumenty* [History of the Russian Police. A brief historical essay and the main documents]. Moscow: Shchit-M. pp. 132–140.
13. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 25. List Ots. File 5. (In Russian).
14. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 243. (In Russian).
15. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 442. (In Russian).
16. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 91. List 2. File 647. (In Russian).
17. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 25. List Ots. File 157. (In Russian).

Received: 26 April 2018